

Портрет «сына века»

Евгений Онегин

Знакомство с
героем

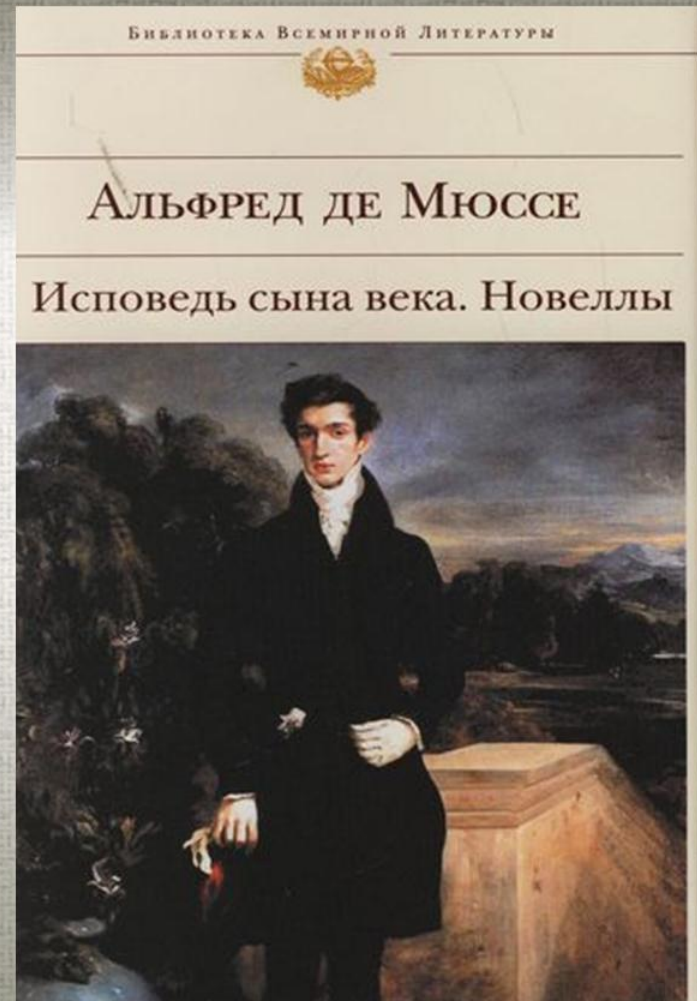

«**Исповедь сына века**» — роман известного французского романтика Альфреда де Мюссе о чудовищной болезни, настигшей французское общество после наполеоновских кампаний.

Болезнью века становится **меланхолия**, овладевшая умами большинства французов. Феерические наполеоновские победы и грандиозные имперские планы, связанные с построением нового общества, потерпели крах. Старые смыслы канули в Лету, а новые так и не родились. Тогда-то и зародилась болезнь, которая заполнила собой томительную пустоту.

АНГЛИЙСКИЙ СПЛИН

РУССКАЯ ХАНДРА

XIX век

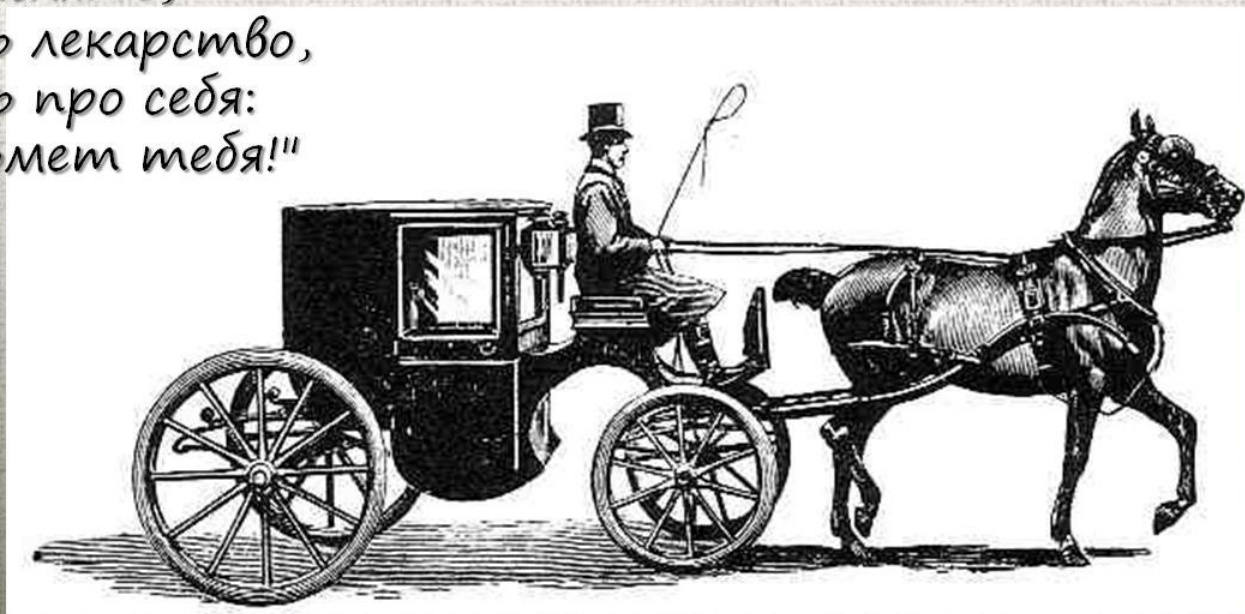
История

1789-1799
1803-1812
1813-1814

Культура

"Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!"

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня

Друзья Людмилы и Руслана!

С героем моего романа

Судьба Евгения ~~христианских~~ предисловий, сей же час
Сперва Madame ~~Гавальмедиа~~ ~~назвала медиа~~ ~~нако~~

Потом Monsieur ее сменил.

Ребенок был резов, но мил.

Monsieur l'Abbe, француз убогой,

Чтоб не измучилось дитя,

Учил его всему шутя,

Не докучал моралью строгой,

Слегка за шалости бранил

И в Летний сад гулять водил.

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном
споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья...

Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели...

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.

